УДК 159.9(035)

Гарькавец Сергей Алексеевич
Восточноукраинский национальный университет имени Владимира Даля (Украина, г. Северодонецк)

93400, г. Северодонецк, проспект Центральный, 59-А, Украина
sharkavets@gmail.com

Harkavets Serhey
Volodimyr Dahl East-Ukrainian National University (Ukraine, sity Severodonetsk)

ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ФЕНОМЕН «КОНКУРЕНТНОЙ ВИКТИМНОСТИ»

Социальные конфликты, которые в последнее время обрели тенденцию к своему обострению (как мировые, так и региональные), имеют различные причины возникновения (правовые, социально-экономические, культурные, религиозные, криминальные и т. п.). При этом, во многих из них, четко прослеживается тенденция зависимости их эскалации от роли жертв и потерь, которые несут конфликтующие стороны в непримиримом противостоянии, что, в свою очередь, сужает поле возможностей для преодоления конфликтного взаимодействия.

Вместе с этим «жертва», это не всегда только объективная сторона конфликта. Иногда роль жертвы выбирается субъективно, когда потерпевший значительно преувеличивает собственные страдания с целью заполучить милосердие, поддержку, сострадание, сочувствие со стороны внешних

наблюдателей, которые не выступают в роли насильников. То есть, жертва, иногда приукрашая собственные страдания, всячески демонстрируя свое жертвенное положение, стремится закрепить и усилить собственное ощущение превосходства, надеясь таким образом заполучить абсолютную компенсацию нанесенного ей ущерба. При этом, можно наблюдать и такой процесс, когда жертва не получая ожидаемой компенсации, превращается в жестокого агрессора и насильника. Зарубежные специалисты считают, что такие конфликты целесообразно рассматривать в контексте концепции «конкурентной виктимности» («competitive victimhood» (CV): M. Noor, R. J. Brown & G. Prentice, D. Sullivan, M. Landau, N. Brancombe & Z. Rothschild и др.). В концепции акцент делается на том, что у конфликтующих групп, всегда возникает потребность конкурировать между собою из-за чувства виктимности (осознания себя жертвами конфликта) и потерь связанных с жестоким противостоянием. Конкурентная виктимность описывает усилия членов группы, участвующих в насильственных конфликтах, которые направлены на оправдание собственных жестоких действий, поскольку их группа, якобы страдает или пострадала больше в конфликте, чем группа противника. Несомненно, такие усилия только усугубляют эскалацию конфликта и препятствуют его мирному урегулированию. Понятие «конкурентная виктимность» является относительно новым в социально-психологическом дискурсе и в определенной мере недостаточно разработанным (в 2008 г. это понятие предложили английские исследователи M. Noor, R. J. Brown & G. Prentice). При этом, как мы считаем, его уместно использовать не только при рассмотрении социальных или групповых конфликтов, но при анализе криминального насилия, где роль жертвы не всегда однозначна. Например, когда речь идет о так называемой «способствующей жертве» («victim precipitation», M. Amir), или провоцирующем (толчковом) поведении потерпевшего (Ю. Антонян, А. Ткаченко и др.). Следует отметить, что собственно феномен «конкурентной виктимности» имеет широкий спектр своей экстраполяции. Так мужчины, если их обвиняют в насаждении

гендерного неравенства, выражают уверенность в том, что они больше подвержены дискриминации, чем женщины. Родители, прибегающие к насилию над детьми, утверждают о том, что они несут несоизмеримые расходы и поэтому имеют право требовать от отпрысков полного повиновения. Маргинализированные индивиды, которые расценивают поведение богатых как аморальное, утверждают, что их образ жизни способствует возникновению умысла совершить их ограбление. По мнению исследователей (I. F. Young & D. Sullivan и др.), в основе конкурентной виктимности находится эгоцентрическая тенденция индивидов оценивать свои травмы и ущерб гораздо выше, чем это имеет место у оппонентов. Мотиваторами этого выступают: физические страдания (человеческие потери, инвалидизация, сиротство и т. п.), материальные убытки (потеря материальных ресурсов, отсутствие средств к существованию, безработица и т. д.), культурные потери (угроза утраты уникального образа жизни, религии, языка, традиций и т. д.), психологические страдания (стресс, различные психические расстройства и т. п.) и нелегитимность страдания (несправедливость, что такие страдания вообще имеют место). По нашему мнению, конкурентная виктимность жертв также подпитывается особенностями отношения к ним со стороны окружающих. Глубокая сострадательность, безграничное сочувствие горю, безотчетная готовность поддерживать, однозначное рассмотрение поведения жертвы, как правильного – становятся необходимым условием формирования «блокадного сознания» (А. П. Петровский), при котором индивид всегда готов к страданию и виктимной позиции. Такой индивид социально не созревает, инфантилизируется, демонстрирует свое жертвенное положение, настаивает на том, что его несчастья абсолютны, а отсюда ему должны не только те, кто якобы виновен, а и те, кто не смог его защитить. Происходит психологическая деградация жертвы, закрепление установки на «паразитическую беспомощность». Собственно такие индивиды становятся легкой добычей преступников различных мастей, но они становятся небезопасными и для

социальных групп, в которые включены, поскольку способствуют увеличению удельного веса их виктимогенной уязвимости.

Таким образом, в контексте рассмотрения проблемы виктимного поведения личности, артикулируемым выступает феномен «конкурентной виктимности», который поясняет причины углубления конфликтного противостояния враждующих сторон, стремление жертв возвеличить собственные утраты и виктимную активность, сложности объективного рассмотрения совершаемого насилия.